

М.Р.Зембатов

К пониманию философии ацтекского права

Отечественная американистика традиционно уделяет внимание изучению месоамериканских культур майя и ацтеков. Вместе с тем малоразработанным остается вопрос о правовой организации общества ацтеков XV—XVI вв. В настоящей работе предпринята попытка отказа от тенденций эволюционизма и казуальности в изучении философской основы правовых феноменов, правоохранения и правоприменения в доколониальном ацтекском обществе.

Ключевые слова: ацтекское право, правовая система, Тройственный союз, Теночтитлан, Кортес, Мексика.

В 1519 г. после молниеносного завоевания островов Карибского моря гонимые жаждой наживы европейцы впервые столкнулись не с племенами дикарей, а с хорошо организованным государством в Центральной Мексике. Государство это представляло собой союз трех городов — Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана. Главенствующую роль в этом союзе играл Теночтитлан, народ которого называл себя мешиками или ацтеками. От имени мешиков происходят современное название города Теночтитлана — Мехико — и той страны, столицей которой он по-прежнему является — Мексики.

Государство ацтеков возникло на берегах озера Тескоко в первой половине XIV в. и, быстро увеличивая территорию силой оружия, подчинило себе к началу XVI в. большую часть современной Мексики. Процветание и могущество ацтекского государства, засви-

детельствованные испанцами, обеспечивались не только военной силой, но и силой неукоснительно соблюдавшихся законов.

Молодая по историческим меркам ацтекская государственность, насчитывавшая к моменту испанского завоевания всего два столетия, оставила нам в работах хронистов и самих действующих лиц исторической драмы тех лет свидетельства незаурядного развития юридической культуры ацтеков.

Простых ацтекских крестьян испанские завоеватели даже называли «сутяжниками» за их привычку обращаться для разрешения всех споров в суд. И эта оценка заслуживает внимания хотя бы в силу того, что испанцы той эпохи сами были формалистами и легалистами, стремились все юридические факты многословно закреплять на бумаге, и при любом споре обращались к помощи «бакалавров» и «лиценциатов» права¹.

Марат Русланович Зембатов — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры международного частного права и гражданского процесса Всероссийской государственной налоговой академии (tlamatini@yandex.ru).

Слово «тлатоани» (tlatoani), обозначающее титул верховного правителя ацтекского государства, дословно переводится как «тот, кто говорит хорошо, чисто»². Сам этот факт показывает, какое значение придавалось ацтеками культуре устной речи. Умение красиво и логически связно излагать свои мысли считалось одним из необходимых качеств верховного правителя, который соединял в своих руках верховную исполнительную, законодательную и судебную власть³.

Самым легендарным ацтекским тлатоани-законодателем был Мотекусома Илуикамина. Он правил в период с 1440 по 1469 г. и остался в истории как Мотекусома I Старший или Реформатор. Если первый эпитет возник потому, что через полвека другой правитель ацтеков также именовался Мотекусомой (правда, из европейской традиции этот последний доиспанский тлатоани больше известен в России как Монтесума), то второй титул связан с тем, что именно Мотекусома Илуикамина заложил основы правовой системы ацтекского государства. О законах, созданных им, испанский монах Диего Дуран, автор «Истории Индий Новой Испании», писал: «Эти законы были искрами того божественного костра, который горел в груди великого короля Мотекусомы, и они послужили исцелению всей страны. Они были подобны лекарству, вовремя принятому и принесшему пользу и благополучие»⁴.

Понять значимость такой высокой оценки законов ацтекского правителя в эпоху, когда испанскими теологами и юристами всерьез обсуждался вопрос о том, считать ли индейцев человеческими существами, сотворенными Богом и наделенными от рождения такими же неотчуждаемыми правами, что и европейцы, можно, только если принять во внимание тот факт, что право в Испании Габсбургов представляло большую ценность в глазах всех слоев общества, и авторитет законов был непререкаем.

Известно, что родители самого знаменитого конкистадора, завоевателя ацтекского государства Эрнандо Кортеса направили его, 14-летнего юношу, в

университет Саламанки, чтобы дать ему самое престижное для описываемой эпохи образование — юридическое. История, правда, донесла до нас свидетельства того, что Кортес отказался от юридической карьеры и вернулся в родительский дом, не завершив обучения в университете⁵.

В донесениях (relaciones) испанской короне Кортес много внимания уделял формальному обоснованию законности завоеваний в Новой Испании. Он утверждал, что вторжение осуществлялось не в поисках наживы, а для обращения к свету истинной веры язычников-индейцев, их селения разграблялись не ради личного обогащения конкистадоров, а для направления в Испанию «королевской пятинны» и присоединения к землям Арагона и Кастилии новых владений⁶.

Первый город, основанный европейцами на земле Америки — Вилья-Рика-де-ла-Вера-Крус (Богатый Город Истинного Креста), — еще не будучи обнесен частоколом, уже получил алькальдов и рехидоров⁷.

Обращение индейцев в христианство, заключение договоров с касиками (вождями) о признании вассальной зависимости от короля Испании и, наконец, переговоры с Мотекусомой с целью убедить его в том же — все эти предпринимавшиеся Кортесом шаги облекались в форму юридических фактов. Эти юридические факты служили основой правоотношений, возникших между двумя сторонами, — испанцами, с одной стороны, и аборигенами — с другой. И если верить свидетельствам очевидцев встречи двух культур, то следует признать, что и ацтеки воспринимали эти правоотношения именно в таком качестве, осознавали необходимость их регулирования и искали пути четкой регламентации прав и обязанностей сторон. Хотя спустя годы после Конкисты, давая оценку своей роли в ней в разговоре с защитником прав индейцев Бартоломе де Лас Касасом, Кортес процитировал Священное писание: «Qui non intrat per ostium, fur est et latro»⁸.

Современные исследователи признают факт существования у ацтеков «примитивного права»⁹. При этом нельзя забывать, насколько мы не свободны в выборе критериев оценки права, привычно сравнивая все новые сведения с теми эталонами, которые лежат в основе восприятия нами правовых феноменов, будь то Марбургская программа, кодекс Наполеона или Законы XII таблиц.

Эволюционизм в восприятии истории права силен, как, может быть, ни в какой другой гуманитарной отрасли знания. Действительно, как кажется, юридическая техника правовых памятников древности с их казуальными нормами уступает изяществу европейских кодификаций современности.

Это воспринимается как аксиома.

И нет ничего удивительного в том, что сравнение ацтекского права (в том виде, в котором оно сегодня доступно для изучения во фрагментарных свидетельствах современников Конквисты) с нашими эталонами юридической техники дает нам некоторую возможность сделать следующие выводы.

За два века существования ацтекского государства право древних мексиканцев прошло типичный путь развития — от конгломерата обычаев и религиозных предписаний к стройной системе правовых норм. Процесс формирования ацтекского права так и не завершился — испанское завоевание прервало его навсегда. И несмотря на то, что ацтекскому праву остались неизвестны многие общепризнанные атрибуты развитой по европейским меркам правовой системы, связанные, например, с отраслевой дифференциацией правовых норм, оно представляет собой по-своему эффективно функционировавшую систему закрепленных в законах и охранявшихся государством общепринятых правил поведения. Так или примерно так звучит почти любое современное описание ацтекского права.

Мы оцениваем право минувшей эпохи и незнакомой культуры с точки зрения современного европейца. И, вместе с тем, не получается ли, что при таком подходе, как выразился один из

признанных авторитетов месоамериканистики Мигель Леон-Портилья, все значение доколониальных цивилизаций Мезоамерики заключается только в том, что они были «открыты» (а потом и уничтожены) европейцами?¹⁰

И не становимся ли мы в таком случае заложниками эволюционизма как единственной теоретической основы такого взгляда? Но практика показывает, что нет смысла располагать правовые системы на линейной шкале ценности, ибо «факты явно противоречат утверждениям о существовании каких-либо универсальных и вечных линейных тенденций или каких-либо универсальных стадий эволюции, относящихся ко всему человечеству, к любым группам и индивидам»¹¹.

Распространенным является представление об ацтекском праве как о праве примитивном, что видно, «в частности, на примере первобытной религии, оказывавшей большое влияние на формирование норм раннего права». При этом такое влияние проявлялось в том, что «нередко нарушение религиозных установлений рассматривалось как преступление в собственном смысле слова: считалось, что преступление в таком случае совершается не только перед людьми, но и перед богами»¹².

Если принять влияние религиозных норм на правоприменение в качестве критерия примитивности правовой системы, то примитивными становятся все европейские правовые системы описываемого периода. Более того, является ли свидетельством примитивизма применение уголовной ответственности за «преступления против веры и нарушения ограждающих оную постановлений»? А ведь по Уложению о наказаниях Российской Империи такая ответственность была предусмотрена и применялась еще и в XX в. в России¹³.

Разве просвещенные испанцы при были не из той самой страны, в которой за религиозные преступления были казнены только по самым скромным оценкам в период 1491—1504 гг. 2 тыс. человек?¹⁴

Ацтекский правитель Монтесума

Инквизиция, особенно активно проявившая себя в Испании, может быть, не самый лучший пример для сравнения. Но вот страна, где полным ходом шла Реформация, страна, далекая от католических взглядов на чистоту веры — Швеция. Спустя два десятка лет после того, как Кортес разрушил Теночтитлан, в далеком от Мексики шведском приходе Аделунда по делу о кощунстве проходил батрак по имени Матс. Он пошел причащаться, будучи пьяным, осквернил полученное причастие действием, и был приговорен к повешению в королевском суде коллегией судей, среди которых были и реформаторы. Повешение было мягкой формой наказания, тогда как, по мнению судей, его следовало бы «другим в пример и назидание раскаленным щипцами заживо разорвать» ввиду того, что преступление его было тяжким «против Бога и властей»¹⁵.

В просвещенной Франции XVII в. некий Ла Барр был приговорен к вырыванию языка, отсечению руки и последующему сожжению на соборной паперти за чтение запрещенной литературы и отказ снять шляпу перед религиозной процессией¹⁶.

Обычаи, традиции и моонормы действуют на общественные отношения не хуже высокодифференцированных отрас-

левых норм, созданных с учетом тенденций глобализации права. Субъективная оценка ценности правовой нормы в сравнении с другой нормой, принадлежащей другой правовой системе, лишена смысла. Мы можем только повторить вслед за Монтескье: «В различных религиях содержится много местных законов. Когда Монтесума так настойчиво утверждал, что религия испанцев хороша для их страны, а мексиканская хороша для Мексики, он не говорил ничего нелепого, потому что, действительно, мексиканские законодатели не могли не принять во внимание того, что ранее их было установлено природой»¹⁷.

Другим доказательством примитивности ацтекского права иногда служит жестокость санкций за малозначительные преступления¹⁸. И с этим доказательством трудно согласиться. Примеры несоразмерно жесткого наказания за, казалось бы, незначительные правонарушения можно обнаружить и в других правовых системах, которые никто не относил к «примитивным». Так, например, в средневековой Англии смертная казнь могла быть применена не только в случае уличения преступника в совершении тяжкого преступления (*felonye*), но и за кражу¹⁹. В мусульманском праве кража каралась отсечением конечностей в том случае, когда украденное стоило четверть динара и более²⁰.

Даже самый краткий сравнительно-исторический обзор показывает, что ни взаимосвязь с религиозными нормами, ни жестокость санкций не могут служить достаточным доказательством неразвитости правовой системы или примитивности судопроизводства.

Бесперспективными для целей изучения ацтекского права, как и права любой другой страны того же исторического периода, следует признать попытки дать ему оценку с точки зрения сегодняшнего уровня развития юридической техники. Также спорным для целей понимания ацтекского права представляется такой подход, при котором в рамки современной отраслевой классификации втискиваются те нормы, упомина-

ния о которых дошли до нас в работах современников Конкисты.

Одна из наиболее содержательных обзорных работ, посвященных ацтекскому праву, — «Обзор правовой системы Ацтекской империи» Франциско Авалоса²¹ — построена именно по такому композиционному принципу, когда разные случаи из доколониальной практики судов Теночтитлана и Тескоко отнесены к уголовному или семейному, коммерческому или налоговому праву. В наиболее полном из существующих сегодня на русском языке описаний ацтекского права в книге В.Е.Баглай «Ацтеки. История, экономика, социально-политический строй» приводимые примеры правоприменительной практики доколониальных Теночтитлана и Тескоко также отнесены к какой-либо современной отрасли права²².

Отраслевое деление правовой системы вполне пригодно для классификации ее норм, но вряд ли всегда может быть применено для лучшего понимания другой правовой системы.

Никому не приходит в голову утверждать, что англо-саксонская правовая система менее совершенна по сравнению с романо-германской, только потому что рецепция римского права пошла в ней по своеобразному пути общего права (*common law*), исключившему возможность дифференциации права на публичное и частное.

Почему же кажется возможным указывать на ацтекское право как на «менее развитую систему правоотношений» только в связи с тем, что в нем не было указанной дихотомии или не существовало формального разделения на право уголовное и гражданское или только потому, что в нем находились такие «пережитки первобытных суеверий», как запрещение носить одежду противоположного пола?²³

А кроме того обращают на себя внимание искусственность любых классификаций и их субъективная ценность только для целей изучения методом анализа. В нашем случае это малопригодно как метод, потому что у нас нет

Кортес во время осады Теночтитлана

возможности рассмотреть все ацтекское право в целом — до нас дошло слишком мало достоверных свидетельств его применения, значит и разлагать его на элементы для анализа вряд ли нужно. А лучше рассматривать без привнесения искусственных классификаций те нормы, свидетельства о которых до нас дошли в единстве с той атмосферой, религией, политическим устройством, идеологией и мировоззрением, которые были актуальны в период действия изучаемых правовых норм и о которых нам известно из тех же работ.

Для понимания ацтекского права необходим, прежде всего, не отраслевой подход, а философский. Осознание его неразрывной идеологической и структурной связи с видением мира ацтеками и своей роли в нем должно быть центральным элементом такого подхода. Идеология избранности ацтеков основывалась на сознании выполнения сверхзадачи вселенского масштаба — поддержания жизни на земле. Известная нам из источников вре-

мен Конкисты, эта идея вкратце может быть сформулирована так: боги пожертвовали собой для сотворения мира, а люди должны своими жертвами поддерживать однажды созданный божественный порядок. В том случае, если люди пренебрегут своими обязанностями, солнце, лишенное поддержки, не сможет больше дарить земле свое тепло, и жизнь прекратится²⁴.

Ключ к пониманию истории ацтекского права абсолютно точно дан в работе Марии дель Рефухио Гонсалес «История Мексиканского права»: «Право мешиков может быть объяснено только в связи с их космогонией, так как и юридический порядок у них лишь воспроизводит порядок космический»²⁵.

Основой всей жизни — как человеческой, так и общественной — было для ацтеков понятие порядка. Упорядоченность и жесткая иерархичность социальной структуры и всех категорий общественных отношений были тем фундаментом, на котором прочно основывалась юридическая практика. Законотворчество, правоохранение и правоприменение имели одну цель — сохранение раз и навсегда установленного порядка в государстве, в обществе и в человеке. Именно поэтому основной акцент в учебных заведениях ацтеков делался на «закладывании моральных и юридических норм» у обучаемых и на то, что они должны «подчиняться и служить государству»²⁶. Именно поэтому ацтекский правитель — тлатоани — выполнял функции и главного законодателя, и главного исполнителя законов, и главного судьи²⁷.

В этом свете становится понятно, почему «место правовых норм в современном понимании этого слова в ацтекском обществе занимали *tlamaniliztli*, т.е. не просто обычаи и традиции, но система взглядов и правил, которые должны сохраняться неизменными»²⁸.

Закон воспринимался ацтеками как вечно действующее на всех людей проявление божественной воли²⁹. Человек и его субъективные права временны, они существуют в том публично-правовом поле, которое создано законом для управления вечно существующим обществом. Поэто-

му ни батрак-майек, ни крестьянин-масеуаль, ни правитель-тлатоани, ни какой другой член общества не могли быть изъяты из сферы регулирования Закона. Лучшими примерами универсальности ацтекских законов и их неукоснительного соблюдения являются те случаи, из которых видно, как этот принцип применялся на практике. Так, «рассказывают, что однажды могущественный правитель ацтеков Мотекусома шел по засеянному полю в окрестностях своей столицы. Поле принадлежало местному крестьянину, который, заметив Мотекусому, принялся ругать его. ... Крестьянин этот был награжден за свое гражданское мужество»³⁰.

Классическим можно считать решение вопроса об ответственности судьи, который вынес незаконный вердикт в интересах знатного. По приговору Несауалькойотля, верховного правителя (и верховного судьи) города Тескоко, этот судья был повешен. Подъем по социальной лестнице сопровождался ростом личной ответственности. Масеуаля, замеченного пьяным, могли обрить наголо, а знатного — повесить, ограбившего отца масеуаля обращали в рабство, а знатного — предавали смерти. Тяжесть наказания зависела от общественного положения правонарушителя, а знатность всегда выступала в качестве отягчающего обстоятельства³¹.

Поэтому исследователь мексиканского права И.Р.Итурбиде пишет: «Ничто не может вызвать у нас при изучении цивилизации науа большего удивления, чем глубокая вера в право и закон и эффективность основанной на этой вере государственной политики»³².

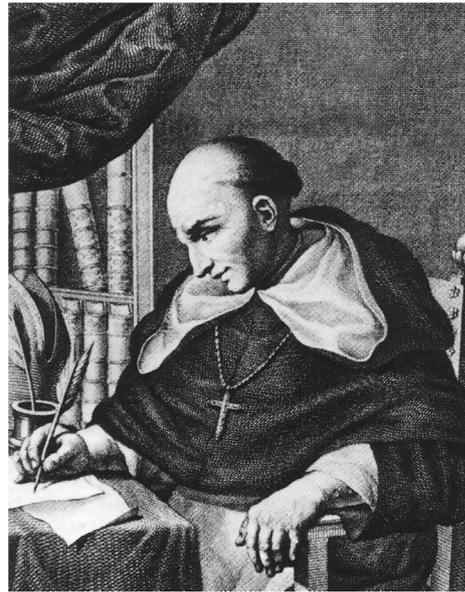
В такой вере — залог высокого уровня правосознания в обществе. Личность принимает правовые предписания просто потому, что это — норма поведения, принятая в обществе для любого его члена. Общество, состоящее из таких личностей, гарантировано от произвола, потому что во всех сферах его жизни действует исповедуемый на деле каждым его членом принцип верховенства закона.

Недаром у знатока ацтекской культуры, «отца американистики» Бернар-

дино де Саагуна мы находим такие строки, обращенные к испанцам: «Нам должно быть стыдно, что индейцы, разумные и древние мудрецы, умели находить средства для исправления недостатков, которые накладывает эта земля на тех, кто на ней живет, действуя на естественные факторы противоположными средствами, и мы с нашими дурными наклонностями катимся вниз»³³.

Смысл своего существования, существования своего народа и своего мира ацтеки видели в поддержании божественного порядка, борьбе против тьмы и хаоса. Космогонические идеи перекликаются с идеями общественного строительства в ацтекских мифах. Бог Солнца и покровитель ацтеков, Уицилопочтли («колибри-левша»), появляется из чрева матери с молнией в руке и уничтожает сговорившихся убить его и его мать 400 близнецов — «южных звезд» и свою сестру Койольшауки, символизирующую Луну³⁴. Уицилопочтли — покровитель Теночтитлана и бог войны. В его честь устраивались многочисленные жертвоприношения, и именно он даровал победу на полях сражений, необходимую как для территориальной экспансии государства ацтеков, так и для добычи пленников для жертвоприношений.

Ацтекское общество было объединено многочисленными ритуалами, воплощавшими в зримой форме идеологию избранничества. Пример ритуального единения дает церемония «нового огня». Один раз в 52 года (ацтекский «век») наступал день, который все население Теночтитлана проводило в посте и воздержании. А с наступлением темноты гасились все огни, и люди направлялись к священному холму Уишачтлан. Там они ждали, когда над горизонтом появится созвездие *мамалуастли* (на языке науатль — палочка для добытия огня)³⁵ и возвестит о начале нового 52-летнего цикла. По преданию конец мира мог наступить только в такой вечер после окончания очередного цикла, и если бы это случилось, созвездие бы просто не возшло. Когда долгожданные звезды показывались на небосклоне, в груди жертвы разжигался

Бартоломе де Лас Касас

огонь, который затем гонцы разносили по всем уголкам государства ацтеков и зажигали от него огни во дворцах, хижинах и храмах³⁶.

Один из верховных богов ацтекского пантеона Тескатлипока («Дымное зеркало») признавался покровителем как самого тлатоани, «его богом», так и покровителем самых незащищенных представителей социальных низов и рабов. Причем интересно, что ежегодно приносимого в жертву Тескатлипоке облачал в одной из последних в годичном цикле ритуальных церемоний в драгоценную одежду сам тлатоани. Один день в году был посвящен празднику в честь Тескатлипоки, в ходе которого господа и рабы менялись ролями. Хозяева одевали своих рабов в праздничные одежды, кормили их и старались всячески угодить им. При этом считалось, что тот, кто не исполняет заповеди этого праздника и дурно обращается с рабами в этот день, будет наказан Тескатлипокой и сам станет рабом³⁷.

Право как инструмент, прежде всего, этической дифференциации общественных отношений («искусство доброго и справедливого») перекликается в своей методологии (противопоставление должного и запретного) с ми-

фом и ритуалом в их понимании как «способа достижения либо инверсии противоположных символов, либо их слияния, либо, наконец, поиска промежуточных звеньев между противоположностями»³⁸.

Высокий уровень правосознания в ацтекском обществе поддерживался и жесткой социальной стратификацией, основы которой заложил выдающийся платоани-законодатель Мотекусома Илуикамина. Испанский хронист Диего Дуран приводит перечень из 14 законов, первый из которых гласит, что правитель не должен показываться перед народом, кроме случаев исключительной важности. Двенадцатый предписывает каждому кварталу иметь «школу или монастырь для молодых людей» в целях обеспечения условий для поднятия их образовательного уровня и соблюдения ими целомудрия, тринадцатый и четырнадцатый касаются частных уголовно-правовых запретов (прелюбодеяния и кражи) и вводят санкции за их нарушение. А законы со второго по одиннадцатый детально описывают внешние атрибуты различных социальных слоев и механизмы общественной стратификации. При этом под страхом смерти запрещается присваивать себе внешние отличительные признаки (одежду, украшения, прическу) вышестоящей социальной группы³⁹.

Идеология, религия и право обеспечивали стабильность общества, строго определяя объем прав и обязанностей каждого. Роль государства в поддержании социального равновесия, кроме создания и применения дозволений, предписаний и запретов, заключалась также и в организации функции правоохранения. В работах современников Конкисты сохранилось немало свидетельств реализации правоохранительной функции ацтекского государства в доколониальный период. Множество упоминаний конкретных исторических примеров применения санкций за нарушение правовых запретов находим мы в работах Б. де Саагуна, А.Суриды, Д.Дурана, Т.Б.Мотолитни, в ацтекских кодексах и других трудах мексиканских авторов. При этом, вопреки сложившейся традиции,

хотелось бы избежать, казалось бы, очевидного отнесения этих примеров к сфере уголовного права. Современное понимание отраслевой классификации, предполагающее атрибуцию общественных отношений, связанных с преступлением и наказанием, к объекту уголовно-правовой защиты, не может быть вполне применимо к мере ответственности нарушителей норм ацтекского права. Ацтекское право не знало дифференциации на уголовное и гражданское. Это связано «с отсутствием деления на право частное и публичное. Причем, частное право естественным образом корреспондирует в этих периодах с правом гражданским. И оба связаны с таким фундаментальным правовым институтом, как право собственности. Отсутствие этого правового института в ацтекском обществе является проявлением особенностей ацтекского правосознания и общественного устройства, чуждых индивидуализма и основанных в большей степени на коллективных, общинных ценностях, а не на индивидуальных эгоистических устремлениях»⁴⁰.

Такой порядок воспринимался ацтеками как естественный природный порядок, потому что «интересы общества были превыше интересов личности, которая была лишь частью избранного народа, который должен был питать богов и поддерживать жизнь на земле»⁴¹.

Рассуждения о примате общественного над личным не являются голым теоретизированием. Они подкреплены примерами из правоприменительной практики ацтекских судов, свидетельства о которой мы встречаем в работах как современников Конкисты, так и в обобщающих трудах нынешних авторов. Существенное влияние норм ацтекского права ощущается и в нынешней Мексике. Так, например, «грубая клевета каралась смертью как преступление против общественной морали. Аналогичное понимание этого деликта определяет формы ответственности за него в современном мексиканском законодательстве»⁴².

В ацтекском обществе те правонарушения наказывались сильнее, которые посягали на интересы общества в

большей степени, чем на интересы отдельной личности.

Председатель Верховного Суда штата Массачусетс, а с 1902 г. член Верховного Суда США Оливер У.Холмс-младший считал, что все формы ответственности, известные современному праву, берут свое начало в институте мести. Этот выдающийся американский правовед предложил рассматривать в качестве критерия уровня развития правовой системы степень вмешательства государства в применение ответственности за посягательства на жизнь и здоровье человека: «чем в большей степени уровень ответственности зависит от степени общественной опасности последствий правонарушения для всего коллектива, тем выше уровень развития права. Иными словами: чем сильнее карается покушение на публичный порядок, тем меньше в этой санкции остается от мести, и тем выше уровень развития правовой культуры общества»⁴³.

Ацтекское государство присвоило себе монопольное право на осуществление легального насилия. Объектом такого насилия мог стать любой член общества. А гарантией от произвола служили единообразный и нелицеприятный порядок применения законов, жесткая процессуальная дисциплина (любое дело рассматривалось в судах всех инстанций не более 80 дней) и высокий уровень правосознания ацтеков. Если эти законы и были жестокими, то они были и справедливыми, так как соответствовали духу своего времени. А ведь, «чтобы быть справедливыми, законы общества никогда не должны идти против законов природы, являющихся первейшими среди всех законов»⁴⁴.

Основанное на этих законах общество, где субъективные права каждого гарантированы строгим исполнением обязанностей каждого, можно с большим основанием назвать свободным, чем общество, формально определяемое как таковое, а по сути своей являющееся обществом произвола вседозволенности. Ибо «в государстве, то есть в собрании людей обществом живущих, где есть законы, вольность не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть, и

чтоб не быть принужденным делать то, чего хотеть не должно»⁴⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А.Ф.К о ф м а н. Теория и законы конкисты: первые шаги — Латинская Америка, 2004. № 6, с. 56—70.

² R.S i m e o n. Diccionario de la lengua Nahuatl o Mexicana. México, 1997.

³ См. например: M.R.G o n z á l e z. Historia del Derecho Mexicano. México, 1983, p. 16.

⁴ D.D u r a n. Aztecs. The History of the Indies of New Spain. New York, 1964, p. 132—133.

⁵ F.A.M a c N u t t. Letters of Cortes. The Five Letters of Relation from Fernando Cortes to the Emperor Charles V. New York, London, 1908, vol. I, p. 4.

⁶ См.: Второе послание-реляция императору Карлу V, писанное в Сегура-де-ла-Фронтера 30 октября 1520 г. — Хроники открытия Америки. Книга I.: Исторические документы. М., 2000, с. 274.

⁷ См.: Б.Д. д е л ь К а с т и л ь о. Правдивая история завоевания Новой Испании. М., 2000, с. 72.

⁸ См.: Б. д е Л а с К а с а с. История Индий. Л., 1968, с. 360. Кортес противопоставляет себя собеседнику — духовному пастырю и защитнику индейцев, цитируя первый стих 10-й главы Евангелия от Иоанна: «Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелезает инде, тот вор и разбойник». При этом второй стих «а входящий дверью есть пастырь овцам» он не цитирует.

⁹ См., например: В.Е.Б а г л а й. Ацтеки: история, экономика, социально-политический строй (доколониальный период). М., 1998.

¹⁰ M.L e ó n - P o r t i l l a. Fifteen Poets of the Aztec World. Oklahoma, 1992, p. 45.

¹¹ П.А.С о р о к и н. Социокультурная динамика и эволюционизм. — Американская социологическая мысль. М., 1996, с. 390.

¹² В.Е.Б а г л а й. Указ. соч., с. 353—354.

¹³ См., например, ст. 211 Уложения. — Свод законов Российской Империи, в пяти книгах. Книга пятая, т. XV. СПб., 1912, с. 23 (цит. по материалам сайта: www.civil.consultant.ru/reprint/books/229/24.html).

¹⁴ См., например: N.T.B r a v o A g u i l a r. El Santo Oficio de la Inquisición en España: una aproximación a la tortura y autoincriminación en

su procedimiento. — Anuario Mexicano de Historia del Derecho, 1997, № 9, p. 89—114. В этом же источнике указано и другое количество пострадавших от инквизиции в Испании (при этом не уточнен период) в 300 тыс. человек.

¹⁵ А.Д.Щеглов. Реформация и шведский суд в 20-е — 40-е годы XVI в. — Право в средневековом мире. Сборник статей. СПб., 2001, с. 155—165.

¹⁶ См.: К.Е.Ливанцев. История средневекового государства и права. СПб., 2000, с. 235.

¹⁷ Ш.Л.Монтескье. О духе законов. Избранные произведения. М., 1955, с. 544.

¹⁸ См. напр.: Narrative of Some Things of New Spain and of the Great City of Temestitan, Mexico. New York, 1917. — «И была у них такая справедливость, что за самое малое преступление или правонарушение того, кто его совершил, казнили смертью или обращали в рабство». (с. 45).

¹⁹ История государства и права средневековой Англии XIII—XV вв. Хабаровск, 2006, с. 114.

²⁰ Б.Дж.Вайс. Дух мусульманского права. СПб., 2008, с. 169.

²¹ F.A v a l o s. An Overview of the Legal System of the Aztec Empire. — Law Library Journal, 1994, vol. 86, p. 259—276.

²² В.Е.Баглай. Указ. соч.

²³ Там же, с. 353—354. Наказания за ношение одежды противоположного пола были известны и в Европе (например, в 1431 г. в г. Руане).

²⁴ См., например: Leyenda de los Soles. Mitos y historias de los antiguos nahuas. México, 2002, p. 169—206; A.C a s o. El pueblo del Sol. México, 1953.

²⁵ M.R.G o n z á l e z. Historia del Derecho Mexicano. México, 1983, p. 15.

²⁶ М.Леон-Портилья. Философия нагуа: исследование источников. М., 1961, с. 249.

²⁷ L.F e r r e i r a. Los códigos y la ley de expresión precolombina. — Diálogos de la comunicación, agosto 2000, p. 81—93.

²⁸ I.R.Y t u r b i d e. Organización política de los pueblos de Anáhuac. México, 1957, p. 290.

²⁹ См. например.: Sterbende Götter und Christliche Heilsbotschaft. Wechselreden indianischer Vornehmer und spanischer Glaubensapostel in Mexico 1524. Stuttgart, 1949, s. 105. Из ответов, которые дают ацтекские жрецы испанским монахам-францисканцам, видно, что божественные предписания для них являются «законом», и этим же законом регламентированы все сферы жизни общества в соответствии с принципом, который предписывал «...посвятить себя полезному и правильному и избежать плохого...» (см.: М.Леон-Портилья. Указ. соч., с. 250—251).

³⁰ I.R.Y t u r b i d e. Ibid., p. 367.

³¹ J.S o u s t e l l e. Daily Life of the Aztecs on the Eve of the Spanish Conquest. Phoenix, 2003, p. 145—146.

³² I.R.Y t u r b i d e. Ibid., p. 361.

³³ Цит. по: М.Леон-Портилья. Указ. соч., с. 249.

³⁴ B. d e S a h a g ú n. Historia general de las cosas de Nueva España en 4 tomos. México, 1956, t. 1, p. 271—272.

³⁵ Согласно разным источникам, это созвездие отчасти соответствует зодиакальному созвездию Тельца, а отчасти — Близнецам.

³⁶ R.F.T o w n s e n d. The Aztecs, 2003, p. 138—140.

³⁷ B.S a h a g ú n. Ibid., p. 331—332.

³⁸ В.В.Иванов. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978, с. 98.

³⁹ D.D u g a n. Ibid., p. 131—132.

⁴⁰ I.R.Y t u r b i d e. Ibid., p. 294.

⁴¹ M.R.G o n z a l e s. Ibid., p. 15.

⁴² L.F e r r e i r a. Ibid., p. 86.

⁴³ О.У.Холмс-мл. Общее право. Лекция I. — www.abit.msal.ru

⁴⁴ Ж.-П.Март. План уголовного кодекса. — Памфлеты. М.-Л., 1934, с. 168.

⁴⁵ Екатерина II. Наказ комиссии о составлении проекта нового Уложения. — О Величии России. М., 2006, с. 75.